

самом мрачном свете. В августе был объявлен всеобщий набор, и Дантон с былой своей энергией и пониманием народного духа развил перед Конвентом смелую мысль, предлагая поручить весь набор не революционной бюрократии, а тем 8 тыс. федератов, которые были присланы первичными собраниями избирателей в Париж для заявления своего согласия на конституцию 1793 г. Его план был принят 25 августа.

Впрочем, так как половина Франции вовсе не хотела войны, то набор совершался довольно медленно; в оружии и боевых запасах тоже чувствовался сильный недостаток.

В августе и сентябре Франция пережила ряд военных неудач. Тулон был в руках англичан; Марсель и весь Прованс - в открытом восстании против Конвента; осада Лиона затянулась и продолжалась до 8 октября, а в Вандее положение ничуть не улучшалось. Только 16 октября 1793 г. армии республики одержали свою первую победу при Ватиньи, а 18-го вандейцы, разбитые при Шолле, перешли Луару, чтобы направиться к северу (см. главу LIV). Впрочем, избиение патриотов в Вандее еще продолжалось; так, например, Шаретт, как мы видели, расстрелял всех сдавшихся ему в плен в Нуармутье.

Нетрудно понять, что при виде всей проливаемой крови, при виде невероятных усилий и страданий, переносившихся массой французского народа из-за иностранного нашествия, призванного контрреволюционерами, крик: «Бейте всех врагов революции, на верхах и на низах!» - стал вырываться у революционеров. Нельзя доводить страну до отчаяния без того, чтобы у нее не вырвался подобный крик.

3 октября приказано было революционному трибуналу судить Марию-Антуанету. Уже с февраля постоянно шли в Париже толки о предстоящем побеге королевы. Некоторые попытки едва-едва не удались. Муниципальных чиновников, которым Коммуна поручала охрану Тампльской тюрьмы, постоянно подкупали сторонники королевской семьи. Фулон, Брюно, Моэль, Венсан, Мишонис были в этом числе. Лепитр, состоявший на службе у Коммуны и выдававшийся в секциях своими крайними воззрениями, был на деле крайний роялист. Другой роялист, Больт, получил даже место привратника в тюрьме Консьержери, куда была переведена королева. Одна попытка побега была сделана в феврале 1793 г.; другая, в которой участвовали Мишонис и барон Батц, едва не удалась; после чего (11 июля) Мария-Антуанета была сперва отделена от своего сына, которого отдали на воспитание сапожнику Симону, а потом (8 августа) переведена в Консьержери. Но и тут попытки продолжались, и один кавалер ордена св. Людовика, Ружвиль, даже проник к королеве, тогда как Больт, ставший ее тюремщиком, поддерживал сношения с волей. И всякий раз, как готовился новый план побега королевы, роялисты волновались и обещали вскоре совершить государственный переворот и перерезать всех членов Конвента и патриотов вообще.

Весьма вероятно, что Конвент не стал бы ждать до октября, чтобы отдать Марию-Антуанету под суд, если бы он не надеялся остановить иностранное вторжение под условием, что королеву и ее детей освободят из тюрьмы. Известно даже, что Комитет общественного спасения дал (в июле) инструкции в этом смысле своим посланным Семонвилю и Маре, которых арестовал в Италии миланский губернатор, и известно также, что переговоры велись и гораздо позже по поводу освобождения дочери короля.

В настоящее время перепиской Марии-Антуанеты с Ферзенем, которую мы имеем в руках, вполне достоверно установлены ее усилия вызвать и подготовить немецкое нашествие на Францию, а также тот факт, что она сообщала неприятелю секреты военной обороны; так что не стоит даже опровергать утверждения некоторых новейших писателей, старающихся представить Марию-Антуанету чуть не святой. Общественное мнение ничуть не ошиблось в 1793 г., когда считало королеву еще более виноватой перед Францией, чем Людовика XVI. 16 октября она погибла на эшафоте.

Жирондисты вскоре последовали за ней. Читатель, верно, помнит, что, когда 2 июня был арестован 31 жирондистский депутат, им была предоставлена свобода ходить по Парижу в сопровождении жандарма. Их жизни тогда так мало угрожали, что несколько известных монтаньяров предложили отправиться в департаменты, которыми были выбраны эти жирондистские представители, и там оставаться заложниками. Но большая часть арестованных жирондистских депутатов бежали из Парижа, и они отправились в провинции поднимать гражданскую войну. Одни из них поднимали Нормандию и Бретань, другие старались поднять против Конвента Бордо, Марсель, весь Прованс; и везде роковым образом они становились союзниками роялистов.

В данную минуту, т. е. в октябре 1793 г., в Париже оставалось только 12 депутатов из 31, арестованного 2 июня. К ним прибавили еще десятерых, и процесс начался 3 брюмера (23 октября). Жирон-